

- заповедник А. С. Пушкина «Болдино», 2009. – 381 с.
3. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 414 с.
 4. Поспелов Г. Н. О концепциях «артистизма» и «подвижничества» в русском искусстве XIX – начала XX в. // Советское искусствознание 81. – М.: Сов. худож., 1982. – Вып. 1. – С. 141–159.
 5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. – М.-Л.: АН СССР, 1937–1959. – Т. 13. – 480 с.
 6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. – М.-Л.: АН СССР, 1937–1959. – Т. 4. – 486 с.
 7. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Правда, 1969. – Т. 4. – 480 с.
 8. Степун Ф. А. Природа актерской души // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hortica.annah.ru/GITIS/stepun.html>.

Л. В. Колесникова

НОВОЕ В КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВ ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

Способность к отражению объектов окружающей действительности в процессе её познания, к её освоению и осмыслению, к распределению, классификации явлений проявляется у человека очень рано и связывается с усвоением языка, то есть с формированием у него материального субстрата результатов познания прежде всего в формах языка.

Эта способность осуществляется в двух основных процессах – категоризации и концептуализации действительности, причем категоризация как способ решения квалификационных задач, установления мотивов и причин подведения нового объекта под ту или иную категорию [3] признается лингвистическим явлением, так как результаты категоризации отражены прежде всего в полнозначной лексике, которая в свою очередь может обобщаться, подводиться под более общие категории – части речи (совокупности однородных грамматических классов слов).

Распределить слова по частям речи – значит найти критерии, с помощью которых на основе законов анализа и синтеза они разойдутся по разным рубрикам – категориям.

В истории русской и зарубежной лингвистики существуют разные подходы к распределению слов по частям речи:

- 1) первоначально – гомогенный принцип (только на основе семантики);
- 2) затем оптимальный – гетерогенный, то есть используют разнородные признаки.

Таким образом, сложился комплексный подход к распределению корпуса лексики по частям речи. Причем сам комплекс признаков определяется по-разному: от 3 до 6 и более.

В русском языке, с развитой морфологией флективно-фузионного типа, выделение частей речи осуществляется по нескольким этапам и критериям.

I этап – учитывается знаменательность / незнаменательность лексики.

Знаменательные классы слов обозначают понятия, к ним можно

поставить логический вопрос; они способны присоединять грамматические показатели грамматических категорий.

Незнаменательные – служебные слова – не обозначают понятий, к ним нельзя поставить логического вопроса, они не могут быть именем чего-то (применительно к ним говорят не об общем категориальном значении, а о назначении), они не способны присоединять грамматические показатели, у них нет грамматических категорий, но они сами могут являться такими показателями (то есть имеют функциональную значимость).

Так, приближаются к грамматическим категориям предлоги – показатели ГК падежа; частицы – показатели ГК наклонения (повелительного, сослагательного); союзы – связи, отношения.

II этап касается знаменательных частей речи. Они делятся на 2 группы в зависимости от способа отображения действительности:

- 1) номинативный способ;
- 2) прономинальный способ.

При номинативном – за каждым звуковым комплексом закрепляется, определенное содержание, стоит определенный референт.

При прономинальном – нет постоянной связи между звучанием и значением, нет постоянного референта (прономинальная семантика свойственна всем местоимениям) [8].

На III этапе в составе неместоименной лексики используют одновременно три традиционно выделяемых критерия: 1) семантический (значение); 2) морфологический (общность грамматических категорий и тождественная организация парадигм); 3) синтаксический (функция).

При этом ведущим определяется семантический критерий [2], который непосредственно опирается на формально-грамматические свойства слов, а в случае их отсутствия возможно привлечение синтаксической сочетаемости лексем и даже синтаксических конструкций в качестве дополнительного приема классификации.

Вместе с тем в рамках традиционных критериев в разных грамматических направлениях идут непрекращающиеся дискуссии о разбиении слов по частям речи, их количестве и объеме, а также выяснении категориального значения устоявшихся, всеми признаваемых частей речи.

Так, Н. М. Шанский называет 15 частей речи, добавляя к 6 знаменательным еще 3 (предикативы, причастия, деепричастия), выделяя особую часть речи (модальные слова) и особые разряды слов (междометия и звукоподражания), оставляя неизменными только 3 группы служебных слов.

М. В. Панов – 6 частей речи: глагол, существительное, прилагательное, числительное, наречие, аналитические прилагательные (*беж, макси, ультра* и под.). У него к частям речи в соответствии с чисто формальным подходом относятся слова, являющиеся членами предложения. Местоимения распределяются по разным частям речи, а многочисленные слова (все служебные части речи, модальные слова и междометия) стоят вне частей речи [6].

У В. А. Плунгяна наблюдается наиболее универсальное

противопоставление грамматических классов лексем – деление на номинанты и вербанты (существительные и глаголы). Он устанавливает типичные отличия между ними по многим признакам, среди которых главными называет обозначения *вещи – ситуации* и *стабильность – нестабильность во времени*, отвергая при этом традиционный функциональный критерий в их различии – предикативность.

«С типичным существительным связывается представление о конкретном объекте (вещи), имеющем пространственные границы и существующем в неизменном виде более / менее длительное время.

Типичный глагол обозначает динамическую ситуацию, т. е. некоторое отношение, возникающее между участниками ситуации на определенное время и в течение этого времени обычно непостоянное» [7, с. 240].

По его мнению, и существительные, и прилагательные, и глаголы являются именами предикатов, и различие между ними скорее количественное, чем качественное. Язык сам выбирает частеречную принадлежность предиката: если данный предикат чаще встречается в воплощенном виде, являясь материальным носителем набора свойств, то он реализуется в имени существительном, если наоборот – то в глаголе или прилагательном в зависимости от его большей / меньшей временной стабильности.

Р. Я. Баудер предложил классификацию частей речи, на его взгляд, решающую проблему статуса местоимений и так называемых особых слов и частей речи, объединив последние с многофункциональными частицами, резко отличающимися от других служебных слов (предлогов и союзов).

Он делит все слова на 4 грамматических класса слов:

- 1) класс номинативных слов;
- 2) класс местоименных заменителей номинативных слов;
- 3) класс объективно-релятивных слов (предлоги, союзы);
- 4) класс субъективно-релятивных слов (частицы, модальные слова, междометия).

Как видим, 3 и 4 классы разъединены по принципу выражаемой модальности.

Разумеется, грамматические описания частей речи не остаются стабильными, а претерпевают самые различные изменения структурно-содержательного характера. Смена научных парадигм во многом этому способствует. Так, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к классификации частей речи грамматисты стремятся не только продемонстрировать связь частей речи с теми структурами знания, которые ими фиксируются, но и предпринимают попытки выявить глубинный механизм, управляющий рождением слова – основной единицей языка – и его дальнейшим отнесением к той или иной рубрике опыта, то есть сам механизм формирования частей речи.

Один из таких подходов к систематике частей речи находим у Г. Гийома [3].

Используя метод векторного анализа, он размещает грамматические классы слов от общего (широкого, *universal*) к частному (узкому, *singular*) в

пределах распределения их по двум областям представления знаний – пространства и времени. Данные философские категории, по И. Канту, являются априорными в когнитивной эволюции человека, отпечатки которой остаются на языковых фактах. При этом категории пространства, будучи первичными в онтогенезе и филогенезе естественных языков, представляющих системы категорий отображения действительности, являются базой для формирования категорий времени.

Вечно движущаяся материя существует в пространстве и во времени, и в языковых категориях имя существительное, отображая субстанцию, реальную и мнимую, имя прилагательное – признак субстанции, а наречие – признак признака, соотносятся с областью представления пространства, а глагол коррелирует с областью представления времени.

Систематика основных частей речи у него графически может быть представлена в таком виде.

В системе частей речи в данном направлении происходит убывание субстанции и с убыванием субстанции происходит уменьшение грамматических форм как совокупности грамматических категорий.

В области пространства:

у ИС – 3 грамматических категории (род, число, падеж);

у ИП – 2 собственных грамматических категории (степень сравнения и категория кратких и полных форм);

у Наречия – 1 ГК (степень сравнения).

В области времени:

у Глагола наблюдается различная степень проявления лица действия (процесса, состояния) от безличного и неопределенно-личного (общее, широкое) к личному употреблению глагольных форм (движение по направлению к узкому).

Репрезентация знания посредством других частей речи носит неоднородный характер. Механизм одних частей речи сходен с механизмом имени (местоимение, инфинитив), но не тождествен ему; других – с глаголом. Так, краткие прилагательные, имеющие предикативную, а не атрибутивную функцию, находятся в области представления времени. Наречие как признак признака может соотноситься как с именем существительным (в основном через прилагательное), так и с глаголом (*очень интересная книга – он читает*

хорошо). Неличные формы глагола – классический пример контаминации областей представления пространства и времени. С одной стороны, они, являясь формами глагола, хотя и неличными, соотносятся с областью представления пространства; с другой – (инфинитив, причастие и деепричастие) близки к частям речи, соотносящимися с областью представления пространства.

Система местоимений является самой разнородной системой в языке. Личные местоимения 1-го и 2-го лица актуализируют глагол и указывают на коммуникативные роли, 3-ье лицо – не является лицом в коммуникативном акте, но традиционно соотносится с глаголом.

Кроме того, Г. Гийом пытался раскрыть механизм, приводящий в движение работу сознания от мысли к слову. Это движение мысли от общего к частному и от частного к общему. На первом участке, от общего к частному, происходит образование лексического значения слова – лексигенез. На втором участке движения мысли от частного к общему мысль включает индивидуальное лексическое значение в общую морфологическую категорию, происходит категориальное оформление слова в определенную часть речи – морфогенез [3].

Помимо попыток нового осмысления связи частей речи с мыслительными конструктами в лингвистических исследованиях последних лет ученые возвращаются к выяснению категориального значения, казалось бы, давно устоявшихся грамматических классов слов – имен существительных и прилагательных.

Так, А. Вежбицкая в работе «Семантические универсалии и описание языков», отвечая на поставленный ею же вопрос: «Какая разница между значением имен существительных и имен прилагательных?», видит основное семантическое различие между ними в том, что существительное указывает на категоризацию, прилагательное, напротив, указывает лишь на дескрипцию; существительные включают в себя понятие вида и субстантивные понятия *вещь* или *человек*, которые принадлежат к числу универсальных элементарных смыслов [1].

А. Д. Кошелев в статье «Еще раз о значении имени существительного» ищет его категориальное значение, также пытаясь ответить на вопрос: что в окружающей действительности описывают существительные? По его мнению, в референциальном плане оно соотносится с реальным предметом или живым существом, а основное свойство предмета, отличающее его от признака, отношения, можно сформулировать так: «...предмет занимает часть пространства, конституирует собою место в пространстве, имеет самостоятельное местоположение, тогда как признак и отношение сами по себе таким свойством не обладают» [5, с. 40].

Особое внимание он уделяет отвлеченным именам, поскольку их референты не конституируют областей пространства. Вслед за А. Вежбицкой, утверждающей, что должны быть достаточные семантические основания для получения качественными концептами именного обозначения, автор находит следующий семантический фундамент для именованья некоторых

непространственных образов действительности существительными. Прототипические существительные, обозначая предметы как исходные элементы пространства, приобретают добавочное категориальное значение – самостоятельный элемент мира, которое фиксируется его грамматической формой. Называя качественный концепт *красота* именем существительным, говорящие придают ему статус самостоятельного исходного элемента, в то время как прилагательное *красивый* имеет статус свойства, признака, то есть вторичной характеристики чего-то уже существующего.

Можно было бы продолжить иллюстрировать поиски новых решений дискуссионных морфологических проблем едва ли не по каждой из существующих частей речи, если не быть ограниченными рамками статьи.

В целом же следует отметить в современных морфологических описаниях тенденцию к дальнейшей внутренней и внешней дифференциации частей речи с опорой на различные в когнитивном плане лексико-грамматические структуры, то есть к возрастающей детализации всех грамматических явлений.

Список использованных источников

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
2. Карпенко Ю. О. Ще раз про критерії виділення частин мови // Мовознавство. – 2001. – № 3. – С. 76–79.
3. Костюшкина Г. М. Категоризация и психомеханика языка // *Studia Linguistica Cognitiva*, 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 222–239.
4. Кошелев А. Д. Еще раз о значении имени существительного // *Логический анализ. Языки пространств*. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 38–46.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филолог. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
6. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 278 с.
7. Плуноян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
8. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев; Одесса: «Лыбидь», 1990. – 147 с.

Г. Б. Райбедюк

«НАРОД МІЙ Є, НАРОД МІЙ ЗАВЖДИ БУДЕ!..» (В. СИМОНЕНКО): НАЦІОНАЛЬНИЙ ІМПЕРАТИВ ПОЕЗІЇ ШІСТДЕСЯТНИКІВ

Історія світової культури розвивається упродовж віків за специфічними законами естетики. Її неперервність у багатьох ключових моментах забезпечує еволюцію «без лакун і спотворень» (М. Коцюбинська). Українській же літературі повсякчас доводиться переживати схему «зруб-парости», «знищення-відродження» (Ю. Лавріненко). Л. Костенко у статті про Лесю Українку «Геній